

С. С. Казаров

Эпирский Пассарон: полис или святилище?

истории античности известны примеры сосуществования полиса — олицетворяющего одновременно город, государство и гражданскую общину, — и крупного святилища. Наиболее образцовыми и изученными в этом отношении являются Дельфы [1, с. 44]. Однако на этот счет существуют и другие примеры, на одном из которых мы бы хотели остановиться. Речь идет об эпирском поселении под названием Пассарон.

С одной стороны, территория Эпира, разделенная непроходимыми горами и ущельями, вмещала в себя значительное число отделенных друг от друга мелких общин, которые со временем трансформировались в полисы. С другой стороны, эпирская земля с древних времен всегда ассоциировалась с регионом, полным таинств, мистики и чудес. Не случайно еще в древности здесь возникло сразу несколько святилищ, наиболее известным из которых являлось святилище Зевса в Додоне, а наименее известным и практически неизученным — интересующее нас святилище Зевса-Ареса в Пассароне.

К сожалению, относительно этого святилища и существовавшего здесь поселения имеется лишь одно единственное письменное свидетельство. Речь идет о пассаже Плутарха в биографии Пирра, в котором Пассарон назван «поселением Молоссии» (χωρίον τῆς Молотτίδος — Plut. Pyrrh. 5). Однако наряду с этим пассажем имеются археологические и эпиграфические свидетельства, которые могут помочь в исследовании функций и значения данного полиса и святилища.

В течение длительного времени решить проблему локализации Пассарона оказывалось довольно сложной задачей. [2, S. 2092–2093]. Указанное Плутархом место было обнаружено благодаря археологическим исследованиям греческого археолога Д Эвангелидеса в 30-е гг. XX в. и локализовано у местечка Гардики, выше современного поселения Радотови [3, р. 259–261]. Подтверждением выводов об идентификации Пассарона и современного местечка Радотови, по мнению английского исследователя Н. Хэммонда, может в некоторой степени служить описанная Плутархом процедура обмена клятвами между царями и их подданными: обмен клятвами мог происходить в начале лета или ранней осенью, когда пастухи перегоняли стада из долин в горы. Местечко Радотови как раз и лежало на пути из прибрежных равнин в долину Янины, где как раз и находился удобный проход для пастухов [4, р. 576]. Именно неподалеку от Радотови была сделана одна очень важная находка: кусок черепицы с надписью ΠΑΣΣΑΡ, что может служить еще одним подтверждением идентификации современного местечка Радотови с древним Пассароном. Некоторые более поздние и косвенные данные, содержащиеся у Тита Ливия, подтверждают наши предположения. Так, освещая события 60-х гг. II в. до н. э., римский историк сообщает, что когда римская армия вторглась из Иллирии в Молоссию, все местные города, за

исключением Пассарона, Текмона, Филака и Хорея капитулировали. Римляне первоначально двинулись именно против Пассарона, так как он первым лежал на их пути на равнину Янины. Лидеры промакедонской партии Антиной и Феодот закрыли ворота, надеясь выдержать осаду, однако их противники открыли ворота, и только таким образом им удалось овладеть городом (Liv. LXV., 26–33). Заняв Пассарон, римляне отсюда предприняли атаки на остальные молосские города, которые вскоре капитулировали. Все это позволяет предположить, что Пассарон был хорошо укрепленным полисом молосского царства и едва ли вожди молоссов рассчитывали выдержать осаду римлян, не будь здесь надежных укреплений. Да и сами римляне едва ли бы обосновались здесь, не чувствуя себя в безопасности за его стенами.

Согласно выводам современных исследователей, первоначальное ядро поселения находилось у подножья холма у Радотви, но затем к концу V в. до н. э. оно переместилось к естественной твердыне на горе, хотя культовое место продолжало оставаться на своем старом месте [5, S. 164]. Обнаруженные развалины позволяют установить, что площадь в 3,65 га с акрополем была обнесена городскими стенами. Сооружение акрополя Пассарона некоторые исследователи относят ко временам царствования Пирра [6, с. 216]. К концу IV в. поселение уже растянулось до 10 га, что явно свидетельствует о неуклонном расширении города. Обнаруженные здесь стены, содержащие разнообразие архитектурных стилей, достигали 3,5 м толщины и местами в высоту достигали 3 м. Город имел трое ворот, а раскопанный внутри булеветерий археологи относят к III в. до н. э. [7, р. 72] Все это позволяет предположить, что Пассарон, первоначально будучи племенным центром молоссов, со временем превратился в один из крупных и хорошо укрепленных полисов Эпира. Но все же в целом, по сравнению с другими полисами Греции, едва ли его размеры можно признать значительными, что отличало все без исключения полисы Эпира. На основе имеющихся в нашем распоряжении данных можно констатировать, что Пассарон имел все черты, характерные для полиса, что позволяет нам решить, таким образом, первую часть поставленной нами задачи.

Но что можно сказать о имевшемся здесь святилище? Здесь же, у современного местечка Гардики Д. Эвангелидесом в середине 30-х гг. XX в. был раскопан фундамент (размерами 19,5 × 11 м) большого храма-периптера с алтарем. Размеры этого храма, а также та изысканность, с которой он был построен, позволяют ряду исследователей утверждать, что они были более значительны, чем габариты храма Зевса в Додоне, и это не может не свидетельствовать о его значении. По мнению Н. Хэммонда, это был важнейший центр политической и религиозной жизни молоссов с храмом Зевса [4, р. 576].

Хотя упомянутый выше пассаж Плутарха лаконичен, но он в некоторой степени позволяет выявить центральную функцию святилища Зевса-Ареса. Здесь молосские цари приносили жертву этому божеству и давали клятву царствовать в соответствии с законами. В ответ подданные клялись подчиняться своим правителям. По меткому замечанию С. Кательди, важнейшей функцией Зевса-Ареса была не функция бога войны, а бога — гаранта соблюдения договоров и соглашений [8, S. 181]. Встреча здесь царей с представителями народа придавала царствованию законный и легитимный характер. Символично, что эта торжественная акция проходила не в святилище Додоны, которое уже во времена Пирра имело для Эпира важнейшее значение, а именно в святилище Пассарона, что не может не свидетельствовать об авторитете святилища, восходящем к очень древним временам. Таким образом, можно указать на одно важное значение Пассарона: описанная выше процедура должна была служить своего рода легитимации правящей молосской династии Эакидов.

Чтобы понять принцип функционирования святилища, наряду с пассажем Плутарха необходимо привлечь эпиграфический материал, в частности, обнаруженные в окрестностях святилища надписи. При этом мы должны руководствоваться общепринятым

Σ
×
Г
Ω
Σ
σ
σ

в античной исторической науке положением, что наличие надписей, содержащих различные посвятельные декреты, является характерным признаком наличия полисной организации [9, S. 69–70]. Таким образом, с одной стороны они служат подтверждением наличия здесь полисной организации, но в данном случае речь идет уже не об этой стороне проблемы: именно эти надписи в некоторой степени позволяют высветить функции святилища и понять его значение.

Первая из надписей представляет собой текст договора о дружбе и возобновлении проксении между мелкими племенами атерагров и неизвестного ранее племени пергамов (...Περυάσιοι) и датируемого примерно концом III в. до н. э. В договоре фигурируют простаты молоссов и атерагоров (но не эпиротов). Последние являлись частью молосского союза (κοινόν τῶν Μολοσσῶν), хотя локализовать их пока не удалось. Наряду с ними упоминаются также простаты пергамов. Сложность локализации упомянутого этнонима заключается в том, что это единственное упоминание о нем. Так среди послов этого племени находился некий гражданин из Харадра, племя пергамов может быть локализовано в области Харадра, которая в свою очередь идентифицируется с современной областью Палайя-Филиппия. По мнению французского исследователя П.Кабанеса, атерагры и пергамы были разделены друг от друга расстоянием в 60 км [10, р. 401–402]. Поскольку никаких упоминаний о племени пергамов мы более не имеем, трудно утверждать, являлись ли они членами молосского союза, да и сама локализация их в области Харадра является лишь возможной версией, но не более того. Тем не менее, можно предположить, что святилище Зевса в Пассароне являлось центром молосского союза (κοῖνον), в который на тот момент входили наверняка атерагры, и возможно, — пергамы. Оно также являлось тем местом, где хранились и, возможно, публиковались тексты различных договоров. Таким образом, можно заключить, что содержание надписи косвенно подтверждает содержание пассажа из биографии Пирра: упоминаемый здесь бог Зевс-Арес имел характер не бога войны, а богом, символизирующим клятву и договор.

Вторая обнаруженная здесь же надпись относится к концу II в. до н. э., но слишком фрагментарна, чтобы строить на ней какие-то версии. Она содержит упоминание не о молосском союзе, а уже союзе эпиротов. Здесь также упоминается имя простата союза (Никанор), но, к сожалению, не сохранился его племенной этникон. Примечательно также упоминание эпирского племени кассопеев, которые не входили ранее в молосский союз, но затем, вероятно, вошли в состав эпиротского союза. Существует версия, что это посвятельный декрет, которые были весьма распространены на территории Эпира [11, р. 472].

В этой связи нельзя не упомянуть еще одну обнаруженную неподалеку и опубликованную П. Кабанесом надпись, в которой упоминаются жители Антигонеи, находящейся на территории Хаонии [12, р. 559]. Эта надпись показательна, так как она позволяет предположить, что этот культ почитался не только членами молосского союза, но и другими племенами Эпира.

Едва ли в период функционирования Додонского оракула святилище в Пассароне могло с ним конкурировать — такого общегреческого значения оно не имело никогда: в ином случае упоминания о нем наверняка бы сохранились у Геродота, Фукидида или каких-либо других древних авторов. Но тем не менее, вполне возможно, что после разрушения Додоны этолийцами в 219 г. до н. э. святилище Зевса в Пассароне повысило свое значение и временно стало главным святилищем всего Эпиротского союза. К концу III в. до н. э. мы наблюдаем изменение функционального значения святилища: от обеспечения легитимности и прав молосских царей к обеспечению гарантий и легитимности Эпиротского союза.

Таким образом, приведенный выше материал позволяет заключить, что здесь мы имеем дело с сосуществованием, — и весьма успешным, — полиса, каким являлся

Пассарон, и общеэпиротском святилищем Зевса-Ареса, находящемся у подножья Гардики на месте первоначального поселения, что позволяет нам в конечном итоге пополнить наши сведения на этот счет еще одним важным примером подобного со-
существования.

Ключевые слова: полис, святилище, Пассарон, койнон, надписи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глускина А. М. Дельфийский полис в IV в. до н. э.//Античная Греция. — М., 1983. — Ч. 2.
2. Schmidt J. Passaron//RE. — Stuttgart, 1949. — Bd. XVIII, Hbbd. 36.
3. *Epeirotika Chronika*. — 1935.
4. Hammond N. G. L. Epirus. — Oxford, 1967.
5. Moustakis N. Heiligtümer als politischen Zentren. — München, 2006.
6. Казаров С. С. История царя Пирра Эпирского. — СПб., 2009.
7. Dakaris S. Organisation politique et urbanistique de la ville dans l'Épire Antique //L'Illyrie meridionale et l'Épire dans l'Antiquité. — Clermont; Ferrand, 1987.
8. Cataldi S. Il giuramento al popolo dei re molossi//Symposion 1988. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. — Köln; Wien, 1990.
9. Giovannini A. Untersuchungen über den die Natur und die Anfänge der bundesstaatlichen Sympolitien Griechenland. — Göttingen, 1971.
10. Cabanes P. Recherches sur les états fédéraux en Grèce//CH. — 1976. — № 21.
11. Flaceliere R., Robert J., Rodert L. Bulletin Epigraphique//REG. — 1932. — № 52.
12. Cabanes P. L'Épire de la mort de Pyrrhos a la conquête romaine (272–167 av. J. C.). — P., 1976.

